

39. *Maleczyńska, E.* Rola polityczna królowej Zofii Holszańskiejna tle walki stronnictw w Polsce w latach 1422–1434 / E. Maleczyńska – Lwów: Towarzystwo Naukowe, 1936 (Lwów: Polska Związkowa Drukarnia). – [2], 118, [1] s.
40. *Monarchia Jagiellonów 1399–1586* / red. nauk. tomu Marek Derwich, aut.: Urszula Augustyniak [et al.] – Warszawa: Horyzont; Wrocław: Wyd. Dolnośląskie, 2003. – 262 s.
41. *Olejnik, K.* Władysław III Warneńczyk (1424–1444) / K. Olejnik. – Kraków: Universitas, 2007. – 276 s.
42. *Papee, F.* Aleksander Jagiellonczyk / F. Papee. – Kraków: Universitas, 2006. – 122 s.
43. *Papee, F.* Jan Olbracht / F. Papee. – Kraków: Universitas, 2006. – 243 s.
44. *Plewczyński, M.* Knight Tournaments at the Jagiellonian Court as a Fight School for the Polish Enlisted Commanders of the 16th Century / M. Plewczyński // Fasciculi Archaeologicae Historicae. – 1995. – № 8. – S. 35–40.
45. *Plewczyński, M.* Ludzie Wschodu w wojsku ostatnich Jagiellonów / M. Plewczyński. – Warszawa: Bellona, cop. 1995. – 165, [2] s.
46. *Plewczyński, M.* Wojny Jagiellonów zwschodnimi i południowymi sąsiadami Królestwa Polskiego w XV wieku / M. Plewczyński. – Siedlice: Wyd. Akad. Podlaskiej, 2002. – 209 s.
47. *Polska i świat w dobie Jagiellonów XIV–XVI wiek* / podręcznik dla gimnazjum. – Warszawa: JUKA, 2000. – 207 s.
48. *Polska Jagiellonów 1386–1572* / pod red. Aleksandra Gieysztora z okazji wystawy Polska Jagiellonów 1386–1572 zorganizowanej przez Muzeum Norodowe w Krakowie w Zamku Królewskim w Warszawie. – Warszawa: Zamek Królewski w Warszawie, 1987. – 73, [6] s., [32] s.
49. *Rutkowska, G.* Itineraria żon króla Władysława Jagielly / G. Rutkowska // Rocznik historyczny. – 1998. – № 44. – S. 59–104.
50. *Sucheni-Grabowska, A.* Zygmunt August Król polski i wielki książę litewski 1520–1562 / A. Sucheni-Grabowska. – Kraków: Universitas, 2010. – 580 s.
51. *Sypek, K.* Zagraniczni goście na weselu Zygmunta Augusta i Katarzyny Austriaczki w świetle Rachunow poselstw z 1553 r. / K. Sypek // Curia Jagellonica. Studia z dziejów dzoru i kultury dworskiej w XV–XVI w. / red. A. Januszek-Sieradzka – Lublin, 2009. – S. 101–119.
52. *Wyrozumski, J.* Królowa Jadwiga. Miedzy epoką piastowską i jagiellońska / J. Wyrozumski. – Kraków: Universitas, 2006. – 276 s.

(Дата паступлення: 15.02.2013 г.)

Л. В. Ляхович
БГУКИ, Минск

ДИСКУССИЯ 1968–1972 гг. И РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМЫ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

В статье раскрыто значение дискуссии 1968–1972 гг. для изучения проблем российского и европейского абсолютизма, показана специфика историографической ситуации, причины фактического отказа от концепции «равновесия», формирование проблемного поля дальнейших исследований.

The signification of the discussion 1968–72 for studying the problems of Russian and European absolutism is discovered in the article. The specificity of historiographic situation, reasons of actual rejection of the «balance» concept, the formation of problem field for further researches is shown.

Абсолютная монархия – сложнейший социокультурный феномен европейского Нового времени и предмет особенного внимания современной новистики. Предоставляя огромный материал для исследователя, проблема абсолютизма, однако, скорее не разрешает, а ставит новые вопросы.

Начиная дискуссию 1968–1972 гг., посвященную российскому абсолютизму, известный исследователь истории России начала XX в. А. Я. Аврех писал: «Абсолютизм – тема не только важная, но и коварная. Эта проблема обладает удивительным свойством: чем больше успехи в ее конкретно-исторической разработке, тем туманнее становится ее сущность. Гвоздем проблемы является соотношение феодального и буржуазного в политике абсолютной монархии» [1, с. 82]. Почти через сорок лет уже в другой историографической ситуации один из ведущих российских специалистов в области медиевистики и раннего Нового времени П. Ю. Уваров отметил, что «...наблюдается странная закономерность: чем больше мы узнаем о повседневности политической власти, тем реже исследователи пользуются термином “абсолютизм”. Слишком велика оказывается пропасть между теоретическим уровнем обоснования королевских прерогатив... и реальной практикой отправления власти и правосудия... Этот новый ракурс привел одних авторов к демонстративному развенчанию термина “абсолютизм”, а других – к простому игнорированию его в своих практических исследованиях» [2, с. 237].

Почему сложилась такая ситуация? Рассмотрение дискуссии 1968–1972 г. по проблемам абсолютизма, проводившейся на страницах журнала «История СССР», поможет прояснить ряд вопросов. Дискуссия дала в итоге не один десяток публикаций, но по-настоящему проанализирована и оценена все же не была, хотя впоследствии на нее ссылались в своих работах бывшие участники. Так, статья Ю. П. Титова (1983 г.) демонстрирует ортодоксальность автора. Оценивая дискуссию «в целом положительно» [3, с. 24], он указывает, что «по многим важнейшим проблемам абсолютизма у советских ученых нет единой точки зрения», что нежелательно «в идеологической борьбе с нашими идейными противниками» [3, с. 5]. Одна из отрицательных сторон дискуссии – «ее участники недостаточно использовали ленинские труды» [3, с. 5, 7], чего, разумеется, сам автор избежал. Насколько непростой была обстановка во время дискуссии и после нее, отмечено в статье, посвященной А. Я. Авреху [4, с. 107–109]. Ю.А. Сорокин в своей монографии категоричен: «Дискуссия 1968–1972 гг. зашла в тупик, историки так и не смогли договориться об определении термина «абсолютизм»... Историки довольно заметно разошлись в мнениях при решении вопроса о социальной опоре абсолютизма... после 1972 г. изучение теоретических проблем абсолютизма молчаливо было признано бесперспективным» [5, с. 29].

Вряд ли можно согласиться с такой точкой зрения. Дискуссия не только привела к отказу от концепции «равновесия» применительно к России, но

и доказала ошибочность ее упрощенного понимания вообще. Была предложена оптимальная по тем временам дефиниция абсолютизма, намечен ряд проблем и направлений исследований. Выявилось, что даже в условиях методологического монизма историки, желавшие высказать альтернативную точку зрения, делали это, подкрепляя свои тезисы ссылками на классиков марксизма, работы которых давали возможность методологического маневра, хотя и в известных пределах. Дискуссия продемонстрировала также границы не только марксистской методологии, но и границы социально-экономического подхода вообще.

При изучении абсолютизма в XX в. применялись в основном два подхода: формально-юридический и социально-экономический. Первый из них имеет давнюю историю – еще римскими юристами были обоснованы prerogативы императорской власти. Политические трактаты, законодательные акты, система органов государственного управления, символика церемониала и т. д. давали исследователям богатый эмпирический, подающийся формализации, материал.

Во второй половине XIX в. в связи с развитием социологии абсолютизм стал рассматриваться как система власти, присущая конкретному этапу в развитии общества и имеющая определенную социальную опору. Изучение экономики привело к социально-экономическому направлению, представленному и либеральной, и умеренной социал-демократической и марксистской историографией, с которыми российская, а затем советская марксистская историческая наука были глубоко связаны, приняв, хотя и в измененном виде, ряд положений. Несмотря на продуктивность социально-экономический подход имел границы, о чем будет сказано ниже.

В советской историографии доминировал социально-экономический подход, что воплотилось в концепции «равновесия». Впервые в наиболее полном виде она была сформулирована С. Д. Сказкиным в статье «Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме», изданной в 1941 г. Согласно марксизму, государство есть орган классового господства и угнетения одного класса другим [6, с. 4], поэтому государство является политической организацией эксплуатирующего класса [6, с. 6]. Сущностью всякой феодальной монархии, в том числе и феодально-абсолютистской, является диктатура класса феодалов [6, с. 8–9]. Абсолютная монархия возникает в переходные эпохи, когда старые сословия разлагаются, а средневековое сословие горожан складывается в класс буржуазии, и ни одна из спорящих сторон не взяла еще перевеса над другой. Соответственно, абсолютная монархия является такой формой монархии, когда в силу равновесия классовых сил борющихся классов – дворянства и буржуазии – сама государственная власть получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам как кажущаяся посредница между ними [6, с. 12–13].

Особенное внимание обращалось на слово «кажущаяся». С. Д. Сказкин специально выделил его курсивом [6, с. 13]. Через много лет, в 1970 г.,

Е. В. Гутнова, обращая внимание на «кажущийся посреднический характер абсолютизма», специально подчеркнула: «Указание на кажущийся характер посреднической роли государства между враждебными классами предостерегает от того, чтобы рассматривать абсолютную монархию в качестве “неклассового” или “надклассового” государства, как это делают буржуазные историки» [7, с. 81]. Абсолютизм выражал и защищал интересы дворянства, используя для этого буржуазию [7, с. 82]. Концепция «равновесия», будучи обобщенным построением, была принята как специалистами по западно-европейской [8], так и по российской истории. Необходимо было показать общность исторических путей Европы и России, сходство европейского и российского абсолютизма, закономерность Февральской и Октябрьской революций по аналогии с Английской и Французской. К середине 60-х гг. «оттепель», стремление по-новому осмыслить классиков марксизма, накопление фактического материала не могли не прийти в противоречие с устоявшимися схемами.

Дискуссию начал А. Я. Аврех. Исследования по истории России начала XX в. поставили его перед вопросом: почему настолько верноподданнической была российская буржуазия, что задачи буржуазных преобразований страны взяли на себя передовые представители дворянства? Ведь в соответствии с идеей «равновесия» российская буржуазия уже с XVII в. должна была стать крупной экономической и политической силой [9, с. 78]. Факты указывали, что слабой российскую буржуазию сделал абсолютизм, эволюционировавший в направлении буржуазной монархии, проводя соответственные преобразования «сверху» [1, с. 95, 102–103]. Отмечая, что «концепция “равновесия” родилась... не из конкретного материала, а из цитаты», Аврех предложил свое определение абсолютной монархии: «Абсолютизм – это такая феодальная монархия, которой присуща, в силу двойственной природы бюрократии и обуржуазившихся помещиков, способность эволюционировать и превращаться в буржуазную монархию» [9, с. 78].

Предложенная А. Я. Аврехом интерпретация вызвала критику. Сторонники «равновесия» А. М. Давидович, С. А. Покровский [10], С. М. Троицкий [11], М. Я. Волков [12], А. А. Преображенский [13] представили, по сути, две стратегии аргументации. Одна из них – ссылка на непререкаемый авторитет классиков марксизма. В наибольшей степени это присуще доводам А. М. Давидовича и С. А. Покровского: «Знаменитое ленинское определение абсолютизма как формы государства, являющееся классическим по своей точности, глубине и всесторонности, А. Я. Аврех считает недостаточным...» [10, с. 58]; «В свете этих положений классиков марксизма-ленинизма со всей наглядностью видно, что выводы А. Я. Авреха об абсолютизме как прототипе буржуазного государства... это явное искажение исторической действительности...» [10, с. 60–61]. В меньшей степени, но не снижая полемики, на классиков марксизма ссылается С. М. Троицкий: «Развивая

такую оригинальную концепцию, А. Я. Аврех несколько не смущается тем, что едущую критику еще более 50 лет назад Ф. Энгельс в "Анти-Дюринге" подверг резкой критике сходные воззрения...» [11, с. 133].

Другой моделью аргументации выступали построения оппонентов А. Я. Авреха, основанные на нарративном материале с целью создания парадигмы достаточно развитых для возникновения абсолютизма буржуазных отношений в России XVII – начала XVIII в. (М. Я. Волков [12], А. А. Преображенский [13]).

Приводимый фактический материал, однако, порождал новые вопросы. Если имеется некое «равновесие», то где его мерило? Неужели развитие торговли – показатель именно буржуазных отношений? Где фактическое подтверждение требований купечества, которые можно было бы считать буржуазными? Ощущало ли себя российское купечество буржуазией в европейском смысле слова? Российские мануфактуры на крепостном труде – явление буржуазное или феодальное? Факты показывали, что «равновесие» «не работает» на почве российской истории. Совершенно не случайно Н. И. Павленко, призывая обращаться к фактам, утверждал: «Роль противовеса феодалам буржуазия способна выполнять лишь в том случае, когда она выступает против феодальных порядков, когда она покушается на феодальные отношения... Социальные силы, разумеется, нельзя взвешивать на аптекарских весах. Но сторонники тезиса "противовеса" должны располагать значительными фактами, подтверждающими декларируемый ими тезис о том, что русское купечество XVII – первой половины XVIII в. противопоставляло себя дворянству. Между тем известен единственный случай, когда в 1662 г. гости, торговые люди... при экстраординарных обстоятельствах катастрофического падения курса денег сетовали на то, что "ныне всякими большими и лутчими промыслами и торгами владеют и промышляют духовный и воинский и судебный чин..."» [14, с. 63].

Выявилось, что социально-экономический подход небезграничен, что факты не укладываются в схему. Не случайно Н. И. Павленко указал на трудность изучения социально-экономических процессов, на то, что «они развивались медленно, качественные грани между отдельными явлениями подчас неуловимы, а ограниченная источниковая база исследований не всегда дает основания для изучения явлений, скрытых от глаз исследователя» [9, с. 82]. И. А. Федосов вообще заменил смысловое наполнение понятия «равновесие». По его мнению, «равновесие – это не равенство сил двух классов, а такой уровень социально-экономического развития, при котором четко проявляются различные тенденции этого развития, такое состояние общества, когда государственная власть получает возможность противопоставлять одни социальные слои... другим слоям...» [15, с. 50]. При подведении итогов дискуссии И. А. Федосов развил эту мысль: «...термин "равновесие" вполне правомерен, но понимать его нужно не как механическое равенство сил двух классов, а как определенное соотношение социальных

сил, которое позволяет развиваться обществу в целом и отдельным его частям. В любом обществе должно существовать такое соотношение его частей – классов, прослоек, группировок, при котором общество и его органы могут “нормально” функционировать, и при котором возможно господство одного класса. В этом смысле ни одно общество не может жить без такого “равновесия” [9, с. 79]. Таким образом, историографическая реальность показала, что понимание «равновесия» в 1941 г. существенно отличается от такового в 1972 г. Заканчивая дискуссию, А. Я. Аврех отметил: «В конечном итоге главный смысл моего выступления по вопросу о русском абсолютизме сводится к неприятию вульгарного, упрощенного марксизма» [16, с. 75].

Взвешенную позицию занял Л. В. Черепнин. Он также утверждал, что «равновесие нельзя понимать как равновесие на чашах весов. Это, очевидно, соотношение сил господствующего класса и формирующегося класса буржуазии, оказывающее воздействие на правительство... которое в зависимости от конкретных условий может быть разным» [17, с. 175]. К России нельзя механически применять формулу «равновесия», но нельзя и оторвать проблему формирования русского абсолютизма от проблемы генезиса капитализма [17, с. 177]. Не говоря уже о более ранних периодах, даже в России первой половины XVIII в. не было равновесия дворянства и буржуазии в смысле равенства их сил. Россия петровского времени – это феодальное государство, но государство с формирующимися буржуазными отношениями [17, с. 197]. В то же время, по признанию самого Л. В. Черепнина, многого в концепции А. Я. Авреха он «просто не понимает», в частности, признания буржуазных тенденций абсолютизма при отсутствии буржуазии в России и т. д. [18, с. 212]. Н. А. Сахаров считал, что «равновесие» и связанная с ним независимость власти – это момент, наоборот, исключительный. Почему же следует рассматривать исключение как правило и на этом основании отказать России XVII–XVIII вв. в закономерном переходе к абсолютизму [19, с. 115–116]?

Точка зрения А. Я. Авреха об отсутствии в России «равновесия» между буржуазией и дворянством как фактора возникновения абсолютизма нашла поддержку, хоть и в разной степени, у Н. И. Павленко, А. Л. Шапиро [20], М. П. Павловой-Сильванской [21], А. Н. Чистозвонова [22]. Так, отнюдь не во всем соглашаясь с А. Я. Аврехом, А. Л. Шапиро все же солидарен с ним в том, что русская буржуазия была слаба, и это давало простор самодержавию для ряда мер буржуазного характера, хотя Россия при этом оставалась дворянской и крепостнической страной [20, с. 78]. М. П. Павлова-Сильванская более других развила тезис о неприложимости к России западноевропейских моделей формирования абсолютизма. Россия, по ее мнению, – это вариант азиатской деспотии, складывающейся на основе натурального хозяйства, общинной организации деревни, закрепощения крестьян и перехода к внешней экспансии. Указанное не исключало эволюции в сторону абсолютизма, но все же «процессы, послужившие укреплению самодержавия.

представляют собой явления, полярно противоположные тому разложению феодальной формации, на базе которого возникает европейский абсолютизм» [21, с. 82–83].

Ценной, несмотря на возражения, была точка зрения А. Н. Чистозвонова. Социально-экономическое и политическое развитие европейских стран представляет собой общий процесс, в рамках которого существуют ярко выраженные местные особенности [22, с. 49]. Считая генезис капитализма синтезирующей чертой генезиса абсолютной монархии, обращая особое внимание на разнообразие форм надстройки, конкретное соотношение социальных сил и роль внешнеполитического фактора, А. Н. Чистозвонов указывал на абсолютизм в собственном смысле слова (англо-французский вариант) и абсолютистские формы правления (австро-прусско-русский вариант); испанский вариант мог расцениваться как модификация второго типа либо как промежуточный. Критерием разделения является степень развития капитализма и перевес буржуазии. Для государств первой группы «равновесие» приемлемо, в государствах второй модели происходила, в условиях местных особенностей, рецепция абсолютистских порядков [22, с. 58–62]. Комплексность, системность, сравнительный подход, отказ от упрощенных схем – вот, по мнению А. Н. Чистозвонова, перспективные пути исследования. В этом с ним был солидарен и Л.В. Черепнин, отметивший, что «сравнительно-исторический метод – это творческий метод исследования» [18, с. 209]. Наконец, А.И. Чистозвонов предложил весьма удачное в то время определение абсолютизма, который «есть политическая надстройка позднего феодализма, переходного периода, когда феодальная формация начинает разлагаться под влиянием буржуазных отношений. Власть монарха в этих условиях становится более или менее неограниченной (абсолютной) и приобретает известную самостоятельность действий по отношению к господствующему классу феодалов или обоим борющимся классам (феодалам и буржуазии в широком смысле слова) в целом. Абсолютный монарх опирается на постоянную армию, подвластный ему лично управленческий аппарат (бюрократию), систему постоянных налогов и подчиняет своей политике церковь» [22, с. 62].

Дискуссия, разумеется, не могла еще заметно активизировать социально-психологический подход, участники ее оперировали цитатами в рамках единой методологии, изучение абсолютизма еще не распалась на множество частных проблем, не выделялась специфика российской политической культуры и т. д. Тем не менее дискуссия немало сделала для того, чтобы названное имело место в будущем. Принятие разных точек зрения, пусть даже в единой методологии, внимание к специфике стран, сравнительный метод изучения, признание важности учета личных качеств того, кто возглавляет государство [17, с. 198], наконец, гораздо более толерантная, чем в прежние десятилетия, манера вести научный спор – все указанное не позволяет недооценивать значение дискуссии 1968–1972 гг.

Список использованных источников

1. Аврех, А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России / А. Я. Аврех // История СССР. – 1968. – № 2. – С. 82–104.
2. Уваров, П. Ю. Французский король, его суды и его последственный (дело Филиппа Кавелье, 1546–1553) / П. Ю. Уваров // Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян. – СПб.: Алетейя, 2007. – С. 236–257.
3. Титов, Ю. П. Проблемы российского абсолютизма / Ю. П. Титов // Проблемы истории абсолютизма: сб. науч. тр. / Всесоюз. заоч. юрид. ин-т / под ред. К. И. Батыра. – М.: ВЮЗИ, 1983. – С. 5–24.
4. Ганелин, Р. Ш. Творческий путь А. Я. Авреха / Р. Ш. Ганелин // История СССР. – 1990. – № 4. – С. 102–112.
5. Сорокин, Ю. А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в.: монография / Ю. А. Сорокин. – Омск: ОмГУ, 1999. – 322 с.
6. Сказкин, С. Д. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме / С. Д. Сказкин // Ученые записки Московского городского педагогического института. – 1941. – Т. 3, вып. 1. – С. 3–25.
7. Гутнова, Е. В. Основные проблемы истории средних веков в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса / Е. В. Гутнова. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 103 с.
8. Кондратьев, С. В. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х гг. XX века / С. В. Кондратьев, Т. Н. Кондратьева. – Тюмень: Мандр и Ко, 2003. – 272 с.
9. Рахматуллин, М. А. К дискуссии об абсолютизме в России / М. А. Рахматуллин // История СССР. – 1972. – № 4. – С. 65–88.
10. Давидович, А. М. О классовой сущности и этапах развития русского абсолютизма / А. М. Давидович, С. А. Покровский // История СССР. – 1969. – № 1. – С. 58–78.
11. Троицкий, С. М. О некоторых спорных вопросах абсолютизма в России / С. М. Троицкий // История СССР. – 1969. – № 3. – С. 130–149.
12. Волков, М. Я. О становлении абсолютизма в России / М. Я. Волков // История СССР. – 1970. – № 1. – С. 90–104.
13. Преображенский, А. А. О некоторых спорных вопросах начального этапа генезиса капитализма в России / А. А. Преображенский // История СССР. – 1971. – № 2. – С. 108–117.
14. Павленко, Н. И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России / Н. И. Павленко // История СССР. – 1970. – № 4. – С. 54–74.
15. Федосов, И. А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма (XVIII – первая половина XIX века) / И. А. Федосов // Вопросы истории. – 1971. – № 7. – С. 46–65.
16. Аврех, А. Я. Утраченное «равновесие» / А. Я. Аврех // История СССР. – 1971. – № 4. – С. 61–75.
17. Черепнин, Л. В. К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI–XVIII вв.) / Л. В. Черепнин // Вопросы методологии исторического исследования: теоретические проблемы истории феодализма: сб. ст. – М.: Наука, 1981. – С. 174–205.
18. Черепнин, Л. В. Заключительное слово по докладу К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI–XVIII вв.) / Л. В. Черепнин // Вопросы методологии исторического исследования: теоретические проблемы истории феодализма: сб. ст. – М.: Наука, 1981. – С. 208–214.
19. Сахаров, А. Н. Исторические факторы образования русского абсолютизма / А. Н. Сахаров // История СССР. – 1971. – № 1. – С. 110–126.
20. Шапиро, А. Л. Об абсолютизме в России / А. Л. Шапиро // История СССР. – 1968. – № 5. – С. 69–82.

21. Павлова-Сильванская, М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России / М. П. Павлова-Сильванская // История СССР. – 1968. – № 4. – С. 71–85.
22. Чистозвонов, А. Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма / А. Н. Чистозвонов // Вопросы истории. – 1968. – № 5. – С. 46–62.

(Дата подачи: 15.01.2013 г.)

А. В. Мартынюк
РИВШ, Минск

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ АВСТРИИ И ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В XIII в.

Середина XIII в. была временем, когда оказались переплетены исторические судьбы средневековой Австрии и Древней Руси. В статье систематизированы сведения об основных письменных источниках, содержащих информацию о «русских сюжетах» в истории Австрии, а также об их рассмотрении в историографии Австрии, Польши и восточнославянских стран. Ставится вопрос о возможных перспективах дальнейшего изучения данной проблематики

In the middle of the 13th century the historical fates of Medieval Austria and Ancient Russia were intertwined. The author of the article systematized data about the main written sources, which contain information about «Russian episodes» in the history of Austria, including the examination of them in the historiography of Austria, Poland and East Slavic countries. The author of the article raises the question of possible prospects of further study of this problem.

История взаимоотношений Австрии с восточнославянским миром в XIII в. до настоящего момента еще не становилась предметом специального рассмотрения. Между тем в середине XIII в. история средневековой Австрии оказалась неожиданно переплетена с историей Древней Руси. Монгольское нашествие и общий «кризис Средневековой Руси» (по терминологии английского историка Дж. Феннела) буквально «вытолкнули в Европу» многих русских князей (Михаила Черниговского, Даниила Галицкого, Андрея Ярославича – брата Александра Невского и др.), некоторые из которых оставили свой след и в истории Австрии.

В истории средневековой Австрии важное место занимает правление династии Бабенбергов (976–1246 гг.). В австрийской историографии этот период рассматривается как период становления государственной традиции Австрии. Перефразируя известное выражение из «Повести временных лет», можно сказать, что Бабенберги «распасли землю Ракушьску и Штирьску» – превратили пограничную Восточную марку в консолидированное и процветающее герцогство, играющее важную роль в политической системе Священной Римской империи. Последний герцог из династии Бабенбергов, Фридрих II Воинственный, пал в битве с венграми на реке Лейте 15 июня 1246 г. Пресечение династии вызвало многолетнюю войну за «наследство Бабенбергов» (1246–1278 гг.), в которой активное участие приняли Империя, Венгрия, Чехия, Бавария и другие страны. Победителем в этой войне